Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при советской власти — до национального размежевания Средне-Азиатских Республик. [1]

С. П. Покровский.

Предисловие.

К изданию настоящего труда автора побудили следующие обстоятельства: 1) материалы, относящиеся к поставленному вопросу не использованы в литературе, а имеющиеся труды или относятся к отдаленному прошлому, как, например, труд С. В. Жуковского—„Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие“ (напечатано в Трудах Общества Русских Ориенталистов, № 2, Петроград. 1915), или же представляются весьма несовершенными по обработке и неосведомленности с материалом и односторонне освещающими вопрос, как, например, книга Логофета: „Бухарское ханство под русским протекторатом“. 1911 г. СПБ.

2) Материалы государственного архивного фонда Туркестана Средней Азии представляют такой выдающийся научный интерес, что только на основании их можно выявить беспристрастную историю взаимоотношений России и Бухары со времени занятия русскими Средней Азии. До сего же времени этот материал по указанному вопросу не был разработан в должной мере.

Беспристрастное и на основании подлинных документов освещение истории взаимоотношений двух государств и выявление глубокой разницы, которая лежит во взаимоотношениях последних при царском режиме и при советской власти—таковы задачи, которые ставит себе автор настоящего труда.

---

[1] Работа впервые была исполнена по заданию Бюро по Экономическому Об'единению Средне-Азиатских Республик при РКП (б), в 1922 г. Краткое содержание этой работы напечатано в Трудах, посвященных Экономическому Об'единению, составленных профессорами Ю. И. Пославским, Г. Н. Черданцевым, под редакцией Н. А. Паскуцкого. Настоящее издание вновь пересмотрено и доведено до времени национального размежевания Средне-Азиатских Республик. С. П.

Часть I.

Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время.

Введение.

Взаимоотношения России и Бухары в первые моменты завоевания русскими Средней Азии необходимо понимать, прежде всего, как взаимоотношения с последней туркестанского генерал-губернатора, как представителя русской власти во вновь завоеванном крае, из которого 4-го июля 1867 года было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. [1]

Представитель центральной власти на месте, каковым являлся тогда Кауфман, был тогда же облечен исключительными дипломатическими полномочиями к „решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся пользы обоюдных подданных". [2]

Вместе с предоставлением столь широких полномочий, нерв дипломатических отношений с Бухарой, естественно, переносится в Ташкент. Тогдашний Петербург, конечно, не оказывается без влияния на эти отношения, но ничто в них, по существу, не проходит мимо представителя местной власти. Самое предоставление столь широких полномочий вызывается отдаленностью Туркестана от центра, некоторой его оторванностью, которая особенно чувствовалась при отсутствии надлежащих средств сообщения.

[1] Дело Цуардела Средней Азии, № 8878 по генеральному отделению штаба военного губернатора Туркестанской Области—Об образовании Оренбургского Военного Округа и Туркестанской области—в архиве канцелярии генерал-губернатора. Д. № 16, отд. II благоустройства края".—В этом деле имеется копия выписки из журнала Комитета Министров от 4-го июля, 1867 г. с предоставлением фон-Кауфману высочайшего полномочия по управлению Туркестанским краем.

[2] См. высочайшее полномочие фон-Кауфману на ведение пограничных дел—от 17 июля, 1867 г.—в назв. архиве. Дело № 12—1867 г. IV отд. „Сношение с Бухарой генерал-ад'ютанта фон-Кауфмана" (перепечатано в отдельном приложении полностью).

Как же сложились эти отношения и в чем их существо? Указанные особенности определяют международные отношения Бухары в совершенно ином, новом направлении. Бухара до 1867 г. представляла собою совершенно самостоятельное государство, являвшееся как бы представительницей, столицей Средней Азии, ее мусульманского мира. Такое значение она имела не только в глазах туземного оседлого населения, но и у афганцев, персов и турок. С другой стороны, Бухара имела большое значение и в торговом отношении, по крайней мере, она являлась едва ли не главнейшим рынком во всей торговле между Россией и Средней Азией вообще.

Соответственно с ее положением, как самостоятельного государственного организма, и форма ее отношений с Россией была общепринятой при сношениях с иностранными государствами.

До 1867 года такого рода сношения Бухары и России производились посредством посольств. Из истории известен ряд русских посольств в Бухару и бухарских посольств в Россию, на протяжении последнего трехсотлетия перед Революцией. [1]

Русские посольства имели своей преимущественной целью заключение торговых трактатов; при этом необходимо отметить, что переговоры в этом направлении посольств, в течение первой половины XIX столетия, не отличались особенной успешностью. Ответы эмира на русские предложения были неудовлетворительны (миссия Бутенева в Бухару в 1841 г.).

Со второй половины XIX столетия дипломатические отношения коренным образом изменяют свой характер. Последний обмен посольствами между Россией и Бухарой, перед образованием Туркестанской области, произошел в 1857—58 г. г. Эмир высказывал желание видеть постоянного русского посла в Бухаре, а одним из требований русской миссии (миссия Игнатьева 1858 г.) было, чтобы бухарский эмир согласился на присутствие в Бухаре торгового агента, уменьшение пошлины, правильную оценку товаров, свободное плавание русских судов по Аму-Дарье, отвод особого караван-сарая для русских купцов и освобождение русских пленных. Как известно, эмир согласился на все русские требования.

Однако, позднейшие события, со времени образования туркестанского генерал-губернаторства, произвели крутой поворот в истории политики России в Средней Азии и в корне изменили самый характер сношений и отношений России и Бухары.

Какие факторы влияли на конструирование этих отношений?

Отбрасывая влияние военных факторов, мы остановим свое внимание только на международно-политических и экономических.

---

[1] Интересующихся сношениями России с Бухарой до 1867 г. отсылаю к книге С. В. Жуковского „Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие", напечат. в Трудах Общества Русских ориенталистов № 2, отд. вып. 1915 г. Петроград.

I.

Влияние международно-правовой политики на отношения России и Бухары.

§ 1. Влияние взаимоотношений России и Англии в средне-азиатских делах на положение Бухары.

История водворения России и Англии на материке Азии вызывала соперничество между ними в средне-азиатских делах. Англия—распространением русского влияния в Средней Азии была обеспокоена не только в отношении своего торгового преобладания, но тревожилась и за судьбу своих ост-индских владений. Россия, приобретая обширные территории в Средней Азии, приближалась к границам Ост-Индии и Афганистана, и, с своих занятых в Средней Азии позиций, по убеждению английской дипломатии, опасна для Ост-Индии. Это беспокойство за судьбу Ост-Индии, а равно, и за свое влияние в Средней Азии, особенно замечается в Англии с 1868 г.—после занятия Самарканда.

Отзываясь, в начале 60-х годов, довольно равнодушно и снисходительно о русских успехах в Средней Азии, английское правительство резко изменяет свой язык в связи с соприкосновением русских с Бухарой. [1]

В Англии царит возбуждение, подогретое и ее международно-правовой литературой. Этому возбуждению содействовал известный английский дипломат и ученый писатель сэр Генри Раулинсон (его сочинение «England and Russia in the East» 1876 г.), представивший английскому правительству записку, в которой он развивал программу политики *„научных границ“*.

Эта записка вселила чувства беспокойства и недоверия в отношения между Россией и Англией. В ней он указывал, что Англия не может оставаться равнодушной к распространению русского влияния на Афганистан, в котором должна господствовать исключительно воля английского правительства, его преобладающее и несокрушимое влияние. В предупреждение могущих быть осложнений, английская дипломатия предлагает оставить между владениями двух империй в Азии „пояс, который предохранял (бы) их от всякого соприкосновения“.

Предложенная русскому правительству в 1869 г., от имени английского правительства, лордом Кларендоном, граница нейтрального средне-азиатского пояса, должна была проходить сначала по верхнему течению Аму-Дарьи, а потом приблизительно, в меридиане города Бухары, принимая прямое западное направление и теряясь в Туркменских степях. В верховьях Аму-Дарьи эта граница должна была находиться, в равном расстоянии от русских влияний в Туркестанском крае—с одной, и от английских владений в Индии—с другой стороны, но далее на запад. В самой северной своей части предполагаемая граница должна была проходить в 300 верстах от русского передового укрепления Яны-Кургана, а от Самарканда—еще на 70 верст ближе, тогда как расстояние от Пешавера, то есть, передового английского поста—слишком вдвое больше.

В этом проекте русское правительство усмотрело нежелание Англии предложить нейтральную зону, а ее стремление установить край-

[1] См. письмо начальника штаба гл. 3 июля. 1868 г. к Кауфману о депеше русск. посла в Лондоне Брунnова. в делах назв. архива. отд. V. дипл. № 1 1867 г. Стр. 46.

ний предел, далее которого она решилась не допускать распространения русских владений в Средней-Азии.

Такое предложение казалось несогласным и с русскими торговыми интересами. Граница, предлагаемая Англией, проходя к югу от Чарджуя (важнейшего транзитного пути по Аму-Дарье), пересекала все главные караванные дороги, направляющиеся из Средней Азии в Хорасан (Мешед) и северную Персию; вместе с тем она совпадала с торговым путем, соединяющим Каспийское море с средне-азиатскими ханствами.

Такая граница оказала бы пагубное влияние на развитие в Средней Азии русской торговли, лишая ее прежних торговых путей и затрудняя ее развивать новые.

Затем, такая граница должна была усилить Кабульского эмира подчинением ему северного края, примыкающего к этой границе. Между Кабулом и Бухарой, к северу от Гиндукуша, находилось тогда множество мелких владений, которые, смотря по обстоятельствам, подчинялись то Кабульскому эмиру, то Бухарскому. Влияние Бухары оказывалось ничтожным в этих владениях и, естественно, они должны были бы подчиниться афганскому эмиру, а между тем здесь пролегали торговые и военные пути на Герат через Мейменэ и на Кабул через Балх и Балшан.

Таким образом, предлагаемая английским правительством нейтральная зона должна была бы нарушить политическое равновесие в Средней Азии. [1]

Эти предложения о нейтральной зоне делаются при невыясненности вопроса о том, что русские были намерены предпринять по отношению к Бухаре. А, между тем, движением русских на Бухару оказалось встревоженным и общественное мнение Ост-Индии, имевшее сильное влияние и на настроение империалистических кругов метрополии, и на само ее правительство. [2]

Это движение на Бухару произвело возбуждение и в Персии.

Создавались, словом, некоторые международно-политические затруднения и для русского успеха в Средней Азии.

О настроении Англии, в связи с этим движением, можно судить по секретным сообщениям русских дипломатов из-за границы. Наша остановка в движении, по мнению дипломатии, даст нам ценную выгоду в том, что она вынудит Англию не из'являть своего неудовольствия ни в Европе, ни в Турции. Русский посол в Константинополе советует быть весьма благоразумными и остерегаться возбуждать обидчивость Англии, в особенности в отношении к Афганистану, ибо, иначе, Англия будет вынуждена выйти из своей благоразумной осторожности. Желая с внешней стороны сохранить хорошие с нами отношения, она, конечно, по мнению русской дипломатии, не преминет вызвать для русского правительства (чтобы отвлечь его внимание от Азии), как внутренние затруднения, так и осложнения с другими государствами континента. [3]

[1] Назв. Архив, дело № 1 1867 г., часть дипломатическая (Д. № 1, отд. V, дипломат., стр. 55—58. Послано Директором Азиат. Д-та 16 апреля, 1869 г. на имя фон-Кауфмана).

[2] См. депешу русского посла в Лондоне в деле назв. архива, отдел V, дипл. № 1, 1867 г. стр. 46.

[3] См. Цуардел Средней Азии назв. Архив канцелярии Туркест. ген.-губ., 1867 г. Отд. V, дипл. Д. № 1 по делам афганистанским и Ост-Индии: Extrait d'une lettre confidentielle du 9-e Ignatief en date de Constantinople 25 juin, 7 juillet 1868.

Эти международно-правовые отношения должны были оказать серьезное влияние на взаимоотношения России и Бухары. Русскому правительству необходимо нужно было договориться о разграничении сфер взаимного влияния в Средней Азии и дать ясный отчет о своих политических в ней намерениях.

§ 2. Разграничение сфер английского и русского влияния в Средней Азии, в связи с положением Бухары в 1869 г.

Русское правительство не могло, как мы видели, удовлетвориться английским предложением о нейтральном поясе между русскими и английскими владениями—в указанных выше границах. Необходимо было придти к соглашению с Англией и найти выход из создавшихся отношений.

Выход был найден. В Петербурге между русским государственным канцлером и английским послом—произошли об'яснения по средне-азиатским делам, по вопросам военно-политическому и торговому. В результате этих об'яснений состоялось вполне „доверительное" соглашение. Из этого об'яснения мы узнаем о живейшем желании Англии сохранить независимость Бухары и об отказе ее от расширения афганским эмиром своих владений на счет Бухары.

После подробного обмена мнениями, стороны остановились на следующем соглашении:

1. Пределом Афганистана считаются те местности, которыми в настоящее время Шир-Али-хан действительно владеет. Англия употребит все зависящие от нее средства для того, чтобы не дозволить ему расширять своих границ к северу.

2. С своей стороны, Россия употребит свое влияние, чтобы воспрепятствовать Бухаре расширять свои границы на счет Афганистана.

3. Если бы впоследствии Россия была вынуждена действовать враждебно против Бухары и, вопреки своему желанию, заняла бы это ханство или часть его,—Россия не предпримет завоеваний в направлении Афганистана, а Англия не допустит афганского владетеля тревожить своих северных соседей.

Последняя статья соглашения касается Кашгара, в отношении к которому Россия обещает не иметь никаких завоевательных намерений.

Из этих соглашений мы видим, что Россия не стремилась в то время к чрезмерному ослаблению Бухары. Напротив, подчинение ее России и включение в пределы России рассматривается, как „плачевный результат наших усилий". Однако, в этом соглашении, как видно из статьи третьей, за будущее возможное подчинение Бухары России русское правительство ручательств не дает, но рассматривает этот акт, как совершенно противоречащий его предположениям и желаниям. [1]

Из изложенных соглашений можно видеть одно устойчивое положение, что Бухара признается англичанами в сфере русского влияния и может быть принята Россией под свой протекторат.

Какова же судьба проекта о нейтральном промежуточном поясе между Англией и Россией в Средней Азии? Роль буфера вначале должен был играть Афганистан, а затем обе стороны признали „мало прак-

[1] См. Цуардел Средней Азии арх. канц. ген.—губ. Отд. V, Дипломат. № 1702/23, по описи № 13 д. № 45. Сообщения азиатского департамента: „Копия с доверительного письма директора азиатского департамента послу нашему в Лондоне 1 Ноября. 1869 г. № 3649" стр. 11 и сл. назв. дела.

тичными" переговоры о среднем поясе и предоставили друг другу полную свободу действий в будущих своих операциях в Средней Азии, „по обоюдному желанию принимать только в справедливое внимание их взаимные нужды и интересы, избегая, по мере возможности, непосредственного соседства между собой". [1]

Что же касается Афганистана, то, по конвенции 1873 г. с Англией, Россия обязалась считать Афганистан вне сферы своего влияния. С тех пор, официально по крайней мере, никаких сношений между империей и владениями эмира не существовало: у России не было в Афганистане ни политического агента, ни консула, и, как, впрочем, и все остальные державы, она должна была сноситься с Кабулом только через Лондон.

§ 3. Русская политика в отношении к Бухаре.

Русское движение в Среднюю Азию имело сначала своей единственной целью сомкнуть сибирскую и сыр-дарьинскую линии. Признавалось необходимым, чтобы обе укрепленные линии русских границ—одна, идущая от Китая до озера Иссык-Куля, и другая—идущая от Аральского моря вдоль Сыр-Дарьи—были соединены укрепленными пунктами таким образом, чтобы все русские посты могли взаимно поддерживать друг друга и не оставлять никакого промежутка, через который производились бы безнаказанно вторжения и грабительства со стороны кочующих племен, задерживающие торговые сношения России с Китаем и великим ханством Бухарским и др.

Исполнение этой меры, мало по малу, привело к занятию Туркестана, Сайрама и, наконец, Ташкента.

Русское высшее правительство вполне сознало, еще до покорения Ташкента, что предположенная им цель достигнута. Министерство иностранных дел 31 октября 1864 г. испросило высочайшее повеление на непременную, на будущее время, недвижность русской границы и отречение от дальнейших завоеваний в этом крае. Предполагалось вначале отдать назад Ташкент. Еще в 1865 г. сообщалось высшей властью оренбургскому военному губернатору, что правительство решилось не включать, уже взятого тогда Ташкента, в пределы империи. Государственная граница, согласно высочайшего повеления от 20 декабря 1863 г., должна была пройти от Перовска к Верному через Туркестан, Чимкент и Аулиэ-Ата. Из этих земель, 12 февраля 1865 г., была образована Туркестанская область. Дальнейшие завоевания не входили в предположения правительства. Что касается Ташкента с Чирчикской долиной, то Черняев в 1865 г. имел лишь полномочие отделить их от Кокандского ханства и образовать из них самостоятельное владение под русским протекторатом.

Но уже в начале 1866 г. взгляд на это дело оренбургского начальства совершенно изменился. Срока оставления Ташкента правительство не назначило, и генерал Черняев продолжал его занятие, изменяя беспрестанно свои взгляды на то, что из него следует сделать. По сообщению известного ориенталиста того времени, Ханыкова, „правительство, нехотя, 20-го 1866 г. согласилось на принятие Ташкента в свое подданство. [2]

[1] См. Correspondence respecting Central Asia. 1878, № 1, стр. 68.

[2] См. копию письма действ. ст. сов. Ханыкова к тайному советнику Стремоухову (директору азиатского департамента) от 12/24 ноября—в назв. архиве, дело № 1718 отд. дипл. (дело № 38 быв. IV отд.) канц. туркестан. ген.-губер. „О покорении Самарканда и Катта-Кургана и учреждении Зеравшанского округа".

Только двукратная просьба ташкентцев побудила правительство в конце 1866 г., присоединить Ташкент и Зачирчикский край к России.

Занятие Ташкента втянуло Россию в ряд войн с эмиром бухарским. Четыре года, то есть с 1867 г. и до конца лета 1870 г., ведется борьба с Бухарой, с соседними шахризябскими беками, пока, наконец, не удается ввести бухарского эмира в правильные и постоянные к России отношения. Затем, после 1870 г., начинается развитие мирных отношений и упрочение политического преобладания России над Бухарой.

Какие мотивы руководили туркестанским генерал-губернатором при этой борьбе с бухарским эмиром?

Ответом на этот вопрос могут служить соответствующие документы архива, которые дают возможность определить истинные мотивы этой борьбы. Мы можем видеть из этих документов, что между центром, то есть Ленинградом, и представителем его власти на месте, не было разногласий.

Какие директивы давались из центра Туркестану, лучше всего можно видеть из результатов совещания по средне-азиатским делам, бывшего в 1868 г., в июне месяце, в Петербурге, в присутствии императора, между бывшим в то время вице-канцлером империи, направлявшим всю иностранную политику, и военным министром Милютиным. Согласно точки зрения, выработанной на этом совещании и „удостоившейся высочайшего одобрения", „общая цель нашей политики в Средней Азии должна оставаться прежняя, несмотря на войну с бухарским эмиром. Занятие Бухарского ханства, со включением его навсегда в пределы России, не может быть целью наших стремлений". „Такое расширение наших владений повело бы неминуемо к необходимости усилить число войск в этой части края, к увеличению издержек военных и административных, и, не доставив при том особенно важных выгод, могло бы весьма усложнить общее наше политическое положение". В этих видах признавалось желательным возможно скорейшее очищение временно занятого края. Вместе с тем, признавалось не менее желательным, оставляя страну, дать ей такое устройство, при котором Россия приобрела бы в ней спокойного и дружественного соседа.

Так определялась общая цель, к которой должны были направляться действия туркестанского генерал-губернатора. Что же касается изыскания средств для достижения этой цели, это предоставлялось решить ему самому по соображению с местными потребностями и условиями. В центре признавали невозможным указывать, какие меры окажутся целесообразными для наивыгоднейшего устройства дел и управления в Бухарском ханстве.

Таким образом, делая общие указания, центр полагал нисколько не стеснять туркестанского генерал-губернатора в изыскании способов исполнения этих указаний.

В связи с общими директивами центра, вопрос о протекторате над Бухарой предрешался в положительном смысле после потери эмиром расположения своего народа; вследствие недоверия к нему, предлагалось—усмотрением туркестанского генерал-губернатора—поставить на его место другое лицо, преданное России, избрать кандидата для этого назначения и придать ему в крае такое положение, чтобы он мог держаться своими средствами. Кандидатом указывался кокандский хан Сеид

Мухаммед-Худояр-хан, отличавшийся миролюбием, уступчивостью и, в частности, политикой мира в отношении к России. [1]

§ 4. *Международно-правовые принципы, которыми руководилось русское правительство при сношении с народами Средней Азии.*

Эти принципы изложены в дипломатическом циркуляре вице-канцлера империи, кн. Горчакова, от 21 ноября, 1864 г.

„Положение России в Средней Азии (говорится в указанном циркуляре) одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации". В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными".

Интересы безопасности границ и укрепление торговых сношений вызывают в образованном государстве необходимость далеких, продолжительных, периодических экспедиций, устройство среди враждебного населения укрепленных пунктов и постепенное его подчинение.

„Такова была (см. циркуляр) участь всех государств, поставленных в те же условия. Соединенные Штаты в Америке, Франция в Алжире; Голландия в своих колониях, Англия в Ост-Индии—все неизбежно увлекались на путь того движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости, и где величайшая трудность состоит в умении остановиться".

Эта программа, направлявшая русскую дипломатию в средне-азиатском вопросе, покоилась на принципах, господствовавших в международном праве. В этом праве главенствовал взгляд о невозможности применения указанного права при сношениях с азиатскими народами. Международное право приложимо только к тем народам, которые находятся, по крайней мере, приблизительно, на одинаковой ступени культуры и прогресса. В международном праве было проведено глубокое различие в сношениях, касающихся экономических интересов, между народами цивилизованными, христианскими, и отношениями между ними, с одной стороны, и нецивилизованными, азиатскими народами, с другой.

Это различие в отношениях обосновывалось неодинаковым пониманием теми и другими народами обязанностей, лежащих на государственной власти в отношении промышленной деятельности своих подданных.

В результате одинаковых стремлений к улучшению и попечению о народном хозяйстве создается общность экономическая европейских государств, принцип взаимности, выражающийся в организации международных торговых оборотов и в заключении, основанных на этом принципе, торговых трактатов.

Азиатские государства, по такому представлению, в это общение не входили. Единственным принципом государственного хозяйства в

[1] См. отношение военного министра к командующему войсками Туркестанского военного округа относительно устройства дел во вновь занятых нами владениях Средней Азии от 6-го июня, 1868 г. и отношение Кауфмана к вице-канцлеру кн. А. М. Горчакову, от 15 июля, 1868 г. в назв. архиве, в деле канц. турк. генерал-губернатора № 44, отд. IV по оп № 12, и по новой описи отд. V, дипл. № 1690/22, стр. 263 и сл. стр.

них признавалось расхищение народного богатства. Словом, создавалось экономическое отчуждение восточных народов от европейских, доходящее, в отдельных случаях, до нежелания иметь сношения с иностранцами.

Азиатские торговые рынки открыты для европейцев силой оружия. Торговые трактаты азиатских государств с европейскими не были результатом полного уразумения со стороны правительств этих государств. При этом необходимо иметь в виду, что правовые порядки, существовавшие на Востоке, создавали необходимость для европейских народов, в своих трактатах с азиатскими государствами, поставить своих подданных, по возможности, в то правовое положение, какое они занимали в своем государстве. Посредством трактатов европейцы обеспечивали себе на Востоке такие льготы, которые местным подданным не принадлежат. Таким образом, указанное представление о различии культуры и экономических понятий европейских и азиатских государств должно было определять международные сношения европейских государств с азиатскими.[1]

§ 5. Анализ договоров, заключенных туркестанским генерал-губернатором с Бухарой.

Первые мирные предложения эмиру бухарскому были сделаны в 1866 году, 12-го сентября, оренбургским генерал-губернатором Крыжановским. Эмиру предлагалось навсегда отказаться от вмешательства в дела Коканда и в доказательство того, что мир восстановлен, эмир обязывался: а) иметь в Бухаре русского караван-баши, который имел бы право во всякое время обращаться к эмиру с просьбой о нуждах русских подданных, находящихся в его владении; б) дозволить русским подданным иметь в бухарских городах, где сами пожелают, русские караван-сараи, где бы они могли складывать товары; в) русских купцов уравнять совершенно с бухарскими подданными в платеже караванных и других сборов, а затем с русских подданных не производить никаких произвольных поборов.

Эти мирные предложения были затем облечены в форму трактата (заключавшего в себе 10 статей, см. ниже). Бухарский эмир не ответил в установленный срок согласием на заключение мирного трактата. Так как добровольного и откровенного сближения с эмиром бухарским нельзя было ожидать, то, по истечении срока, 23-го сентября, 1867 г., русскими войсками были заняты бухарские крепости—Ура-Тюбе, Яны-Курган и Джизак, чем была отделена восточная половина Средней Азии, то есть бухарцы, хивинцы, туркмены и пр., от кокандцев и дунган. [2]

После этого эмир бухарский соглашается распустить войска под условием возвращения ему Яны-Кургана (укрепления в 7 верстах впереди выхода из Джилан-Утинского ущелья). Кауфман соглашается на эту уступку, с условием подписания и исполнения указанного выше договора, предложенного оренбургским генерал-губернатором, с некоторыми, сделанными им в тексте, изменениями.

[1] См. проф. Мартенс. „Современное международное право цивилизованных народов," т. II, изд. 4-ое СПБ. 1900 г. Стр. 213–214. Ср. его же: „Россия и Англия в Средней Азии", пер. К. Ф. Таубе. СПБ. 1880 г., стр. 9. Здесь же полностью помещен дипломатический циркуляр вице-канцлера кн. Горчакова от 21 ноября 1864 г. Стр. 22–23.

[2] См. назв. архив. канц. турк. ген.-губ. Отд. дипломатич. IV, № 43. 1866 г. № 1. Стр. 1 и сл.

Переписка и сношения с Бухарой, по поводу заключения договора, длились 7 месяцев. Эмир всячески уклонялся от заключения договора, стараясь оттянуть переговоры и тем выиграть время, чтобы составить против России коалицию из соединенных сил Коканда, Кашгара, Афганистана и Хивы. Из писем эмира мы видим, что он входил в сношение с Турцией и ост-индским правительством. Из ответов, полученных эмиром от турецкого правительства, мы видим, что последнее дало совет жить с Россией в дружественных отношениях. [1]

Такое положение дел побудило русских принять решительные меры против Бухары. Май и июнь месяцы 1868 года были решающими. После совершенного поражения бухарской армии на высотах Чупан-Ата 1-го мая, 1868 года—занят был Самарканд, затем взята была крепость Катта-Курган, Ургут, Кара-Тюбе, а 2-го июня эмир потерпел окончательное поражение на зерабулакских высотах.

После этого эмир-Музаффар-Багадур хан прислал Кауфману 12 июня письмо о безусловной капитуляции, вместе со всеми оставшимися войсками и артиллерией, и просил лишь допустить его до представления царю, чтобы, об'яснив ему все свое положение, затем отправиться в Мекку. [2]

Таким образом, судьба Бухары находилась в руках русского правительства; создавалось положение, когда Бухара могла бы кончить свое существование, как государство, испытать ту судьбу, которая сложилась спустя несколько лет для Кокандского ханства.

Из ответа Кауфмана бухарскому эмиру на его капитуляцию мы усматриваем, что „он никогда не имел цели и желания уничтожить бухарское ханство; как прежде, так и теперь, повторяю, что мир и спокойствие соседних с Россией владений составляют цель моих трудов и даже моих войн. Когда могу добиться мира, я войну прекращаю. Если вы желаете спокойствия и прочного владения своими землями, то можете об'явить всему народу о заключении мира с могущественною Россией и что войны впредь не будет". Далее Кауфман напомнил эмиру, что оставшимися войсками он может еще с успехом воспользоваться для подчинения своей власти Шахризябских беков, сделавшихся независимыми в последние годы его неудачной борьбы с Россией.

Таким образом, был заключен мир и все условия договора были приняты. „Все, что оговорено в условиях,—писал эмир,—послужит для меня руководством в будущих моих действиях". [3]

Обратимся к анализу заключенного договора. Последний был подписан только 23-го июня 1868 года, почти спустя два года после мирных предложений сделанных эмиру оренбургским генерал-губернатором. По обстановке и условиям, в которых проходило заключение договора, его можно скорее назвать ультиматумом, чем договором. Эмир был принужден его подписать, уклоняясь от такого подписания в течение двух лет.

Это двухлетнее уклонение эмира от заключения договора должно было отразиться на содержании договора, особенно в части, касающейся границ.

---

[1] См. Dépêche reservêé du G-al, Ignatiew, Buyk-déré, le 24/24 sept 1867. В деле № 1690/22 Стр. 1527.

[2] См. письмо эмира к Кауфману в назв. архиве. Отд. У дипком. Дело № 1690/22 стр. 236 и обор.

[3] См. письмо Кауфмана эмиру 12 июня, 1868 г. из Самарканда, там же, стр. 243 и письмо бухарского эмира Кауфману от 20 июня 1868 г. Стр. 244 и об. и 245 стр. об.

Первый проект трактата от сентября 1867 года, предложенный Крыжановским, состоял из 10 статей. 1-ая статья устанавливает новые границы России и Бухары; 2-ой статьей предоставлялось договаривающимся сторонам право командировать доверенных для точнейшего определения границ на месте; 3-ей статьей—стороны обязывались принимать меры для взаимного обеспечения против самовольных вторжений и набегов пограничных беков, шаек грабителей и т. п.; 4-ая статья обязывала эмира допускать русских торговых агентов там, где это признается нужным; 5-ая статья определяла право русских подданных заводить, где пожелают, караван-сараи, ни для кого не прикосновенные; 6-ая статья обязывала эмира уравнять русских подданных в платеже караванных и других сборов с подданными ханства; 7-ая статья касалась права русских подданных селиться и приобретать недвижимые имущества в бухарских владениях; 8-ая статья требовала, чтобы суд и расправа над русскими подданными, совершившими преступления в Бухаре, принадлежали не бухарским властям, а туркестанскому генерал-губернатору; 9-ая статья обязывала эмира принять меры к обеспечению русских караванов от разбойничьих нападений; статья 10-ая касалась обоюдного обязательства хранить свято и ненарушимо подписанный трактат.

В этот трактат Кауфман счел необходимым включить еще две статьи: о свободном допуске во все города Бухары и покровительстве русским торговым лицам и о порядке будущих сношений эмира исключительно с туркестанским генерал-губернатором. Кроме того, Кауфман оговорил право приобретения русскими подданными недвижимых имуществ в Бухаре—необходимостью иметь для этого разрешение туркестанского генерал-губернатора (ст. 7). Наконец, по вопросу о границах, Кауфман счел возможным и даже необходимым не включать в пределы наши занятой русскими крепости Яны-Кургана, в виду того, что эмир обещался распустить свои войска, если русские очистят Яны-Курган. Эта уступка делалась в виду упрочения мира с бухарским эмиром.

Такого содержания трактат был вручен эмиру вместе с копией полномочий Кауфмана на ведение пограничных и торговых дел и подписание трактатов.

Возникает вопрос, в каком виде определяется этим проектом трактата юридическая природа Бухары, как суб'екта международно-правового общения. Признавалась ли Бухара самостоятельным государством? Ответом на этот вопрос является статья 11-ая, трактующая о сношении эмира впредь по делам политическим, торговым и пограничным, и для выяснения могущих встретиться недоразумений, исключительно с туркестанским генерал-губернатором. Эти сношения могли быть письменные или словесные, через доверенных лиц.

Вместе с таким порядком сношений прекращалось право эмира сообщаться с верховным правительством в формах, установленных для самостоятельных государств. Но если речь шла о протекторате России над Бухарой, то трактат должен был бы, казалось, предусмотреть ограничение эмира входить в международные обязательства по отношению к другим государствам и вести дипломатические сношения с ними только через представителя государства-покровителя.

Ответ на этот вопрос дает письмо Кауфмана к директору Азиатского департамента от 16 сентября, 1867 года.

В нем он пишет: „Некоторых пунктов мы вовсе не коснулись, так, например, я счел и неудобным, и лишним включить такое условие, чтобы эмир без нашего согласия не входил ни в какие политические обязательства с соседними ханствами или вообще с другими народами. Неудобным это было бы потому, что мы обнаружили бы опасение от каких-нибудь средне-азиатских союзов, или даже от вмешательства англичан; нам не следует, мне кажется, указывать на мнимые даже больные места. Оно лишнее потому, что мы ни в коем случае не будем в состоянии уследить за исполнением подобной статьи трактата. Пусть эмир своим умом придет к тому заключению, что все интересы его страны требуют тесного союза с Россией и, что всякое недоброжелательное вмешательство извне в обоюдные наши отношения, непременно отразится, прежде всего на нем же, невыгодным образом". [1]

Такими соображениями Кауфман руководился в сентябре 1867 года. Безуспешность всех переговоров Кауфмана с эмиром, с сентября 1867 года по март 1868 года, об'яснялась народным настроением, которое, в заключении мира на предложенных условиях, видело потерю обаяния Бухары во всей Средней Азии. Что же касается самого эмира, то он хорошо видел, что его престижу, как самостоятельного владетеля, наносится серьезный удар.

Из писем эмира к Кауфману мы видим, чего собственно желали бухарцы. „Мир священный Бухаре" может быть предоставлен оставлением в руках мусульман занятых городов. „Сколько бы курганов (городов) не было, для могущественного белого царя они ничего не значат",—писал эмир Кауфману в мае 1868 года. [2]

В ответ на оренбургские условия, 1-го мая, 1868 года Кауфману был вручен серый свиток бумаги с условиями договора. Сделанный перевод текста условий обнаружил в нем много отличий от условий оренбургских. Эти изменения интересны с той стороны, что они обнаруживают стремление эмира к сохранению полностью своей верховной власти.

Так, наверху документа, с одной стороны было написано: „Александр Николаевич", а с другой: „Эмир Сеид-Музаффар-Эд-Дин". Этой припиской эмир хотел показать, что договор заключается им с русским императором, а не с оренбургским генерал-губернатором. Затем, многие выражения в тексте договора были смягчены. Так, в статье 4-ой договора, вместо слов: „Высокостепенный эмир *обязуется* строго наблюдать за безопасностью и сохранностью русских подданных, находящихся внутри пределов его владений, с их караванами и всем вообще имуществом", было сказано: „эмир принимает *под свое высокое покровительство*, в его торговлю, русских купцов в Бухаре".

Вообще, в изменении редакции замечается забота эмира о сохранении своего престижа. [3]

Эти условия мира были переданы в период военной обстановки, при начале новой войны Бухары с Россией, закончившейся полной капитуляцией эмира, и предоставлявшей Кауфману полную возможность вычеркнуть Бухару, как самостоятельное государство, с географической карты.

[1] См. цитиров. письмо в указ. деле—стр. 25.

[2] См. письмо в названном деле—№ 1590/22, стр. 202 обр. и подлинник 203 обор.

[3] См.—копия с перевода условий договора в назв. деле стр. 135 и сл., а также и самый подлинник текста—стр. 193 и сл.

Эта неудача, разбившая все соображения эмира и его надежды, заставила его согласиться на предложенные ему, и оставшиеся без изменения, договорные условия 11 и 23 мая, 1868 года.

Заключенный Кауфманом от 23-го июня, 1868 года договор отличался от условий оренбургского проекта, прежде всего, статьей о границе. Тремя дополнительными статьями определялось: 1) присоединение к России самаркандского и катта-курганского округов; 2) разграничение российских и бухарских владений, и 3) предоставление работ по разграничению смешанной международной комиссии.

С этого момента начинается новая эра во взаимоотношениях между Россией и Бухарой. Целый ряд обстоятельств заставляет эмира стать в вассальные отношения к России. В числе этих обстоятельств необходимо отметить сознание эмира, что прочность его власти внутри ханства зависела от поддержки, которую ему оказали русские внутри его владений, и в ослаблении внешних его врагов при анархии, воцарившейся в ханстве в 1868 году, при автономических стремлениях беков и при недовольстве им со стороны духовенства.

Значительное влияние в деле отношений Бухары и Туркестана оказывала ирригационная зависимость, вместе с удержанием за ним верхней долины Зеравшана.

Уже в начальный момент отмечается зависимость бухарского эмира и в его внешних сношениях с иностранными государствами, хотя в договоре и не было пункта, ограничивающего внешние сношения Бухары с иностранными государствами. Так, туркестанский генерал-губернатор, получив известие о том, что турецкое правительство принимает некоего Абдул-Хайя, как посла бухарского эмира, обратил внимание эмира на неуместность таких сношений его с султаном. Эмир не только отказался сноситься непосредственно с султаном, но и обещал подтвердить это письменно.

Таким образом, в действительности наметилась вассальная зависимость бухарского ханства от России. Последней чужда была мысль о возможности окончательного его присоединения. Признавалось более выгодным подготовить его к вассальной зависимости, с тем, чтобы иметь в нем вполне преданного России, но самостоятельного, по отношению к прочим соседям, владетеля, чем самим управлять этою страною и быть вынужденным содержать там значительное войско для ограждения своих интересов и своего там управления.

Обобщая все сказанное о взаимоотношениях между Россией и Бухарой, как они сложились по первому договору 1868 года, мы можем, сделав вывод в отношении Бухары, сказать, что в этих взаимоотношениях она следует общей судьбе тех государств, которые подпадали под протекторат.

Как мы видим из истории международных отношений, протектораты основываются в таких случаях, когда государство, имеющее известное влияние на другую страну с низшей цивилизацией, не желает или не может присоединить эту страну к своим владениям. Большое европейское государство может не желать присоединения более слабого государства, в виду того, что оно лишено возможности производить значительные затраты на устройство в этом государстве нового порядка управления.

Большое государство может желать присоединения к себе другого, более слабого, государства, но оно не может этого сделать, потому что

об'явление о таком присоединении может вызвать противодействие соперничающей державы.

Отношения России к Бухаре, как мы видим из нашего изложения, определялись, в значительной степени, первой причиной, препятствующей присоединению. Однако, и другая причина—соперничество Англии в средне-азиатских делах также не оставалась без влияния на это взаимоотношение.

В таких случаях, когда присоединение оказывается невозможным, отношения регулируются конвенциями, договорами, по которым страна, как самостоятельное государство, добровольно отказывается от известных, присущих ей, прав. Однако, такие договоры не являются договорами равного с равным. Это, скорее, инструкции в вежливой форме, или программы, которые даются победителем побежденному и исполнение которых обеспечивается близким присутствием военной силы.

Такой характер носит договор 1868 года с Бухарой. Он предначертал собой существо взаимных отношений России и Бухары. Это, в сущности говоря, был первый шаг этих отношений.

Из исследования взаимоотношений, слагающихся на почве протектората, можно усматривать, что эти взаимоотношения двух государств обыкновенно приводят к двум следствиям: а) или, в порядке нормального развития, полунезависимое государство сделается совсем независимым, станет суб'ектом международного права, или б) при неблагоприятных обстоятельствах окончательно подчинится власти того государства, под покровительством которого оно находилось (Мартенс).

Заключение первых договорных отношений России с Бухарой является, в сущности говоря, политическим выражением такого воздействия России на Бухару, при котором должны были быть наилучшим образом защищены и обеспечены условия торгового преобладания России на торговых рынках Средней Азии. В этих целях Россия стремится оградить Бухару от всяких захватов со стороны других государств и от вторжения их торговых интересов, давая ей взамен внешнее спокойствие. Естественно, что при таких условиях интересы России и Бухары начинают все теснее и теснее сцепляться и взаимно переплетаться.

Но для того, чтобы эти взаимные интересы сплелись более тесно, должно было пройти некоторое время, чтобы Россия выявила бы свои экономические интересы на территории Бухары. Это—время одностороннего экономического и политического воздействия на Бухару.

Договор 1868 года не был достаточен для осуществления такого воздействия. Вот почему, еще в 1871 году, Кауфман возбудил вопрос перед императором о том, не представляется ли необходимым войти вновь в новое и окончательное соглашение с бухарским эмиром, взамен договора 1868 года. Этот вопрос стоял в связи с вопросом о границе с Бухарой, так как к этому времени еще не последовало повеления центра о присоединении к России Зеравшанского округа. Поэтому Кауфман испрашивал разрешения заключить, когда он признает это возможным, окончательные письменные условия с Сеид-Музаффаром. В дополнение к прежним условиям мира от 11-го и 23-го мая 1868 года, Кауфман полагал необходимым включить в новый договор следующие статьи:

1. Точное определение нашей границы с бухарскими владениями, согласно с существующею ныне на деле гранью, проведенной в 1868 г.

2. Пребывание в Бухаре нашего торгового агента, и в Ташкенте постоянного уполномоченного от бухарского эмира.

3. Некоторые правила о торговых видах и паспортах.

4. Право для русских подданных заниматься в бухарских пределах разными ремеслами и разработкой естественных богатств.

5. Обязательную выдачу бежавших преступников.

6. Правила о решении спорных и тяжебных дел между подданными обоих государств.

Кроме того, в секретном дополнении к этому договору Кауфман признавал не бесполезным развить следующие статьи:

а) Бухарский эмир, находясь в дружбе с Россией, будет следовать указаниям русского правительства во внешних сношениях с прочими своими соседями.

б) При назначении новых лиц на некоторые государственные должности, а именно, на должность куш-беги (первого министра) и пограничных с нами беков, эмир будет согласовываться с советами туркестанского генерал-губернатора.

в) Бухарский эмир, ни под каким предлогом, не уступит афганцам, или кому бы то ни было, принадлежащие ему переправы через Аму-Дарью.

г) Русские пароходы пользуются правом иметь свои пристани на берегах Аму-Дарьи в пределах Бухарского ханства.

д) С своей стороны, туркестанский генерал-губернатор, в силу данного ему государем императором высочайшего полномочия, обязуется помогать бухарскому эмиру как против внутренних врагов его, так и в случае нападения врагов внешних, если оно не вызвано его образом действий.

е) Владения эмира, в существующих ныне пределах, признаются Россией неприкосновенными.

ж) Туркестанский генерал-губернатор обязуется также быть ходатаем перед государем о признании наследником эмира того, из его сыновей, которого укажет сам Сеид-Музаффар и о гарантировании ему отцовских владений. Старший сын эмира, Катта-Тюря, восставший против своего отца и, после занятия нами Карши, бежавший в Кашгар, лишается навсегда права владения Бухарой.

з) Эмир бухарский, в угоду императору, запретит торг невольниками на рынках бухарских и примет меры к постепенному и окончательному искоренению столь гнусного и нечеловеческого обычая.

„В этих двух договорах (по мнению Кауфмана) заключается, в сущности, все, что требуется от Бухары. Эмир, сознавая свое бессилие, вероятно, согласится (как полагал он) принять эти условия существования его власти. Для достижения такого окончательного результата, местная туркестанская власть должна продолжать заботиться о признании за истину, не только подданными бухарскими, но и всеми жителями туркестанского края и служащими там, что Россия не хочет занять Бухары". [1]

Из предполагаемых Кауфманом условий нового договора с Бухарой, мы можем видеть его стремление сделать новый и серьезный шаг к большему подчинению Бухары. Это был шаг к тому, чтобы поставить бухарского эмира, пользуясь слабостью его власти, в вассальные отно-

[1] См. Архив канцелярии туркестанского генерал-губернатора № 6, часть дипломатическая—О политике, которой мы должны следовать по отношению к Коканду, Хиве, Кашгару и Китаю.

См. тот же архив, отд. V Дипл. № 191. Всеподдан. отчет генерал-ад. фон-Кауфмана по дипломатич. части 1877—1885 г.

шения к России. Но сделать этот шаг открыто было все же невозможно. Ход сношений с Бухарой определялся дипломатическими отношениями с Англией, мечтавшей втайне о расширении пределов Афганистана преимущественно на север.

Поэтому нужно было, чтобы новый договор ни в коем случае не давал повода полагать, что Россия хочет занять Бухару. Возможность разрыва, на этой почве, отношений с Афганистаном, а, следовательно, и с Англией, признавалась в то время весьма нежелательной. А, между тем, с весны 1872 года уже возникли слухи о предстоящей войне русских с Бухарой. Как и в прошлые годы, народная молва давала в предстоящей войне видное место афганцам, за которыми сквозила помощь Англии. [1]

Вот почему Кауфман, предлагая „секретное дополнение" к договору, в котором решались бы наиболее щекотливые вопросы отношений России и Бухары. Этим секретным дополнением ограничивалась суверенная власть эмира во внешних сношениях, в назначении на наиболее важные государственные должности (куш-беги и беков), в праве уступки афганцам (или кому либо другому) переправ через Аму-Дарью и даже в праве назначения наследника эмира. Словом, в этом секретном дополнении речь шла о вмешательстве туркестанского генерал-губернатора не только во внешние отношения Бухары, но в ее внутреннее управление.

Насколько предположения Кауфмана, изложенные во всеподданнейшей его докладной записке, нашли осуществление в договоре 1873 года, 3-го сентября?

Эти предположения были обсуждены в Петербурге, в особом совещании от 4-го ноября 1872 года, которые отвергло некоторые существенные предположения Кауфмана, причем ему высочайше было повелено:

1. Ввести в Зеравшанском округе то же управление, как и в прочих областях Туркестанского края, также уравнять подати и другие налоги, платимые жителями этого округа, с податями и налогами, установленными вообще в Туркестанском крае, но при этом не делать никаких об'явлений об окончательном присоединении Зеравшанского округа к империи.

2. Хотя наше влияние на Бухару должно быть сохранено, но мы ни в каком случае не должны покорять и присоединять этого ханства. Мы должны всеми своими действиями доказать эмиру наше твердое намерение жить с ним в добрых соседственных отношениях.

3. При благоприятных обстоятельствах, с эмиром может быть заключен дополнительный договор: о назначении в бухарские города торговых агентов и в Ташкент постоянного бухарского уполномоченного, об установлении подробных правил для торговли, промыслов и ремесел, о паспортах и беглых.

4. Заключить с Бухарой предположенный секретный договор не разрешается; обязательство эмира прекратить торговлю невольниками, в случае его согласия, может быть включено в общий дополнительный договор; об отношениях его к Афганистану и к другим соседям и о назначении им на важнейшие должности в Бухаре людей, нам не враждебных, может быть внушено сношениями с ним генерал-губернатора, сообразно с прежними заявлениями. Если бы

[1] Там-же, в назв. всеподдан. отчете фон-Кауфмана.

эмир сам о том ходатайствовал, то мы можем признать одного из его сыновей его наследником, тем более, что старший сын его Катта-Тюря, возмутившийся против отца, отличается фанатизмом и враждебностью к нам. [1]

В этом высочайшем повелении, состоявшемся вследствие совещания от 4-го ноября 1872 года, и необходимо искать об'яснение того, почему большинство предположений секретного дополнения не нашли никакого выражения в договоре 1873 года, 23-го сентября. На этом договоре отразились именно эти высочайшие указания. В договоре этом заключается: статья первая, из которой можно бы видеть, что правительство хотело убедить Сеид-Музаффара, с одной стороны, что оно не только не желает расширения наших средне-азиатских владений на счет Бухары, а, напротив, увеличило его владения присоединением части хивинских земель, отнесенных к русским владениям, за оказанное содействие во время Хивинского похода; с другой стороны, в этой статье подтверждалась пограничная черта между русскими и бухарскими владениями, определенная первой статьей, предложенных эмиру 23-го мая, 1868 года, условий самаркандского договора. Это подтверждение должно было навсегда отнять у эмира мечту когда-либо получить обратно Зеравшанский округ.

Вторая статья обязывает оба правительства, русское и бухарское, каждое внутри своих пределов, блюсти за безопасностью караванного и торгового движения, в виду того, что с отделением правого берега Аму-Дарьи от Хивинского ханства, все караванные дороги, ведущие из Бухары на север в русские владения, проходят исключительно через бухарские и русские земли.

Из документов устанавливается, что, на основании этой статьи, Кауфман вскоре же потребовал от эмира Сеид-Музаффара, для ограждения караванного пути от набегов туркмен, возведения двух укреплений на вновь приобретенной им территории на путях, избранных для того самим Кауфманом, а именно на левом берегу Аму-Дарьи, в урочище Кавакли, и на правом ее берегу—в Уч-Учаке. В этих возведенных укреплениях стали содержаться постоянные гарнизоны.

Третьей статьей устанавливается свободное плавание, наравне с бухарскими пароходами и судами, как правительственным, так и частным русским пароходам и судам в части реки Аму-Дарьи, принадлежащей бухарскому эмиру.

Четвертой статьей устанавливается право для русских устраивать на бухарских берегах Аму-Дарьи пристани и склады для товаров.

Пятой статьей определяется свобода русской торговли в Бухаре и свободный раз'езд по всему ханству, русских купцов и караванов при особом покровительстве и гарантии бухарских властей за безопасность.

Шестой статьей—взимание со всех товаров только зякета.

Седьмой статьей—беспошлинный провоз русских транзитных товаров.

Восьмая статья является повторением статьи 3-ей условий мира 11 мая, 1863 года о русских караван-сараях в Бухаре, с изменением, что таким же правом будут пользоваться бухарские купцы не „в

[1] См. там же, часть дипломатическая отчета, составленная Каблуковым и собственноручно исправленная фон-Кауфманом.

русских городах", как было в указанном договоре, а „в городах Туркестанского края".

Статья девятая является повторением ст. 4-ой условий мира 11 мая 1868 года.

Статья десятая обязывает свято и ненарушимо исполнять торговые обязательства между русскими и бухарскими подданными, под наблюдением за этим бухарского правительства.

Статья одиннадцатая допускает для русских свободное занятие в бухарских владениях разными промыслами и ремеслами, не противными Шариату; точно такие же права, в согласии с русскими законами, предоставляются и бухарским подданным в русских владениях.

Статья двенадцатая предоставляет русским подданным право иметь в ханстве недвижимые имущества, с обложением таковых наравне с имуществами бухарских подданных. Это же право предоставляется и бухарским подданным в русских владениях.

Статьей тринадцатой обеспечивается русским подданным право приезда и раз'езда по бухарским владениям, с выданными, от русского начальства, заграничными билетами.

Статья четырнадцатая трактует о неприятии бухарским правительством беглецов из России и о выдаче их ближайшим русским властям.

Статья пятнадцатая—о назначении эмиром уполномоченного в Ташкент для непосредственных непрерывных сношений с высшей русской властью в Средней Азии.

Статья шестнадцатая—о таковом же назначении русским правительством постоянного представителя в Бухару при эмире.

Статьей семнадцатой уничтожается, в пределах бухарских, торг невольниками.

Наконец, статья восемнадцатая говорит о принятии эмиром к руководству вышеизложенных семнадцати статей, составляющих договор о дружбе России с Бухарой.

Из изложенных пунктов договора мы видим, что последний не стремится уничтожить суверенитет эмира. Все, что, казалось, могло бы уничтожить таковой, не нашло места. Напротив, договор, в большей части статей, устанавливает взаимные обязательства для договаривающихся сторон. Он не носит уже того ультимативного характера, как условия мира 1863 года, сопровождавшиеся секретными дополнениями о контрибуции. В нем не нашла места та агрессивность, которую проявил Кауфман в 1871 году в своей докладной записке, с проектом статей договора, содержавших столь серьезное ограничение власти эмира. Большинство из этих ограничений верховной власти пали не на бухарского эмира, а на хана хивинского, как видно из договора, заключенного с последним в том же 1873 году и поставившего хивинского хана в полную вассальную зависимость от России.

Что же касается Сеид-Музаффара, то ему, вместе с присылкой утвержденного договора, Кауфман написал: „Будьте уверены в том, что при строгом исполнении со стороны Бухары ныне принятых Вами обязательств, дружеские отношения ее к России останутся неизменными и Ваше Высокостепенство, находясь под могущественным покровительством Государя Императора Всероссийского, будете по прежнему самостоятельно владеть своею страною. В дела религии и Шариата вмешательства нашего не бывает, не только соседи России, но и подданные мусульмане пользуются полной свободой при отправлении своих обрядов....".

Этот договор 1873 года необходимо счесть основным договором, определившим сущность тех отношений, которые установились между Россией и Туркестанским краем, в частности, и Бухарой.

В дальнейшей истории отношений он играл, можно сказать, решающее значение в определении экономической связи Бухары с Россией и Туркестанским краем. Ни разу не пересмотренный до времени революции, он только дополнялся отдельными соглашениями, из коих одни шли в развитие положенных в нем начал, а другие являются независимыми от него, исходят из принципов, не предусмотренных договором, но истекающих из самого характера отношений, покоящихся на начале протектората.

Рассмотрим существо этих отношений с точки зрения экономических интересов. Внутреннее и международное управление в этой области исследует вопросы:

1. Безопасности экономических отношений, обеспечивая уважение к правам и законным интересам лиц, которые занимаются торговлей и промыслами (ст. 5 догов. 1873 г.).

2. Обеспечения свободы хозяйственной деятельности.

3. Установления прочного юридического порядка для торговых предприятий и сделок (ст. 10 договора, 1873 г.), словом постановлений касающихся общего гражданского положения подданных договаривающихся государств.

4. Устройства и организации путей и средств сообщения (почты, телеграфа, жел. дороги и пр.), как необходимых условий для развития хозяйственно-промышленных сношений и оборотов.

Все эти стороны, исследуемые железнодорожным и внутренним управлением, составляют, главным образом, и содержание торговых трактатов.

С этих сторон мы и будем рассматривать существо отношений, развившихся со времени заключения договора 1873 года, применяясь, с одной стороны, к самому содержанию этого договора, а, с другой, и к существу вновь сложившихся отношений.

(Продолжение в следующем выпуске).

S. Pocrowsky. L'histoire des rapports internationales entre la Russie et la Boukhara depuis de l'occupation de l'Asie Centrale par le Gouvernement Russe jusqu'à nos jours.

Un Résumé—dans la livraison prochaine.